

УДК 811.161.1

Сергушкова О. В., Зеро Е. А. (Мозырь, Беларусь)
**ЭКСПРЕССИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ
В ТЕКСТАХ РОМАНОВ И. С. ТУРГЕНЕВА**

Целью данного исследования является анализ экспрессивных синтаксических конструкций с точки зрения их участия в решении авторских задач. Языковые средства, структурирующие экспрессивность и неразрывно связанные с ней такие явления, как эмоциональность, оценочность и интенсивность рассматриваются в текстах романов И. С. Тургенева «Отцы и дети» и «Дворянское гнездо». Более подробно анализируются наиболее частые в художественной речи писателя разнообразные повторы, параллелизм синтаксических конструкций, приводятся примеры конвергенции языковых средств, повышающих выразительность высказываний, среди которых выделяются риторические восклицания, авторская пунктуация, полисиндетон, асиндетон, аккумуляция, инверсия. Определяются функции экспрессивных построений в «возможных мирах» И. С. Тургенева.

Экспрессивность понимается нами как обязательный признак художественного текста, призванный увеличить его прагматический потенциал в целях максимальной интенсификации текстовой выразительности и воздействия на восприятие читателя. То есть в данной статье экспрессивность речи отождествляется с её выразительностью, мотивирующей решение прагматических задач автора, среди которых главной является задача максимального воздействия на читателя. Что касается средств и приёмов экспрессивности, то, по нашему мнению, выразительными в художественном тексте могут быть самые разные компоненты: чем теснее их связь с идейно-тематическим содержанием текста и личностью автора, тем сильнее их воздействие. В суммарной текстовой **экспрессивности** её составляющие, как правило, играют разные роли, выражая ту или иную степень **эмоциональности**, неразрывно связанной с **оценочностью и интенсивностью** высказывания.

У Тургенева перечисление экспрессивных единиц речи (даже только синтаксических), имеющих данные качества как обязательные признаки (они выделены полужирным шрифтом), составляет не только длинный, но и открытый, незавершённый список типизированных и нетипизированных экспрессивно-синтаксических построений, лингвистических фигур, способов и приёмов их использования, средств интенсификации высказываний. В данной работе называются многие экспрессивные явления, но объём статьи позволяет проанализировать лишь некоторые из них, традиционно выделяемые в работах по экспрессивному синтаксису, а также наиболее выразительные и частотные, на наш взгляд, в указанных тургеневских текстах.

На синтаксическом уровне экспрессивность может создаваться посредством **изменения порядка слов**. Гибкость синтаксической структуры предложения в произведениях «Отцы и дети», «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева – важнейшее средство организации речи. Оно отвечает прагматической цели высказывания, напрямую или опосредованно связанной со смыслом текста. В лингвистической литературе выделяется два вида порядка слов: нейтральный и эмфатический, или объективный и субъективный. Исходя из актуального (тема-рематического) членения предложения, изменение нейтрального порядка слов на эмфатический проявляется в тема-рематической мене, в результате которой рема (**Р**) переносится в инициальную позицию и оказывается в препозиции по отношению к теме. Так, например, говоря о Лемме, Тургенев пишет: (1) ...**он** уже по пятому году упражнялся на трёх различных инструментах. (**Р**) **Восьми лет** (**Т**) **он** осиротел, а **с десяти** начал зарабатывать себе кусок хлеба своим искусством. < ... > (2) (**Р**) **На двадцать восьмом году** < ... > переселился он в Россию. < ... > Ему советовали уехать; но (3)

...**он** решился остаться и испытать своё счастье. **В течение двадцати лет** бедный немец пытал своё счастье [1, с. 147], где в (1), (2) и (3) темы выражены одинаково – словоформой «он», а подчёркнутые двойной линией языковые единицы, выступая как обстоятельства: в (1) и (2) – времени, в (3) – меры, количества времени, играют в этих высказываниях роль рем (что выясняется по диктальным вопросам «Когда он осиротел?» и «Как долго «бедный немец пытал своё счастье?»).

Основной функцией инверсии является выделение, подчёркивание наиболее значимого смысла высказывания как неотъемлемой части целого – идейно-тематического содержания микротекста, главы или всего произведения. Так, например, пониманию причин личной драмы Базарова способствует инверсия в следующем микротексте, повествующем о том, что герой сам отвергает возможность стать счастливым. Можно понять не принимающего жалости Базарова, но он не принимает также участия Одинцовой и протянутую к нему руку: *Нет!* – сказал он и отступил шаг назад. – **Человек я бедный**, но милостыни ещё до сих пор не принимал. Прощайте-с и будьте здоровы [2, с. 617]. Здесь важен не только разрыв связанного словосочетания,

употребленного в функции предиката, и появление подлежащего «я» на месте расчленения, но ещё важнее перемещение основного, смыслового, компонента именного сказуемого в позицию конца данной части предложения и выраженное союзом «но» противопоставление. Такое построение, а также повышенная эмоциональность высказывания, структурированная входящим в это высказывание словом-предложением «Нет!», подчёркивает мешающую Базарову его бессмысленную гордость, вызывающую жалость и недоумение, его злость на себя и слишком торопливое желание покончить с любовью.

Экспрессивная инверсия выполняет функцию смыслового выделения и в следующих предложениях: *Лаврецкий умилился при мысли, что она его любит, – и подъехал к своему городскому домику **успокоенный и счастливый**...* [1, с. 197]; *Рождённый в сословию бедном, Калитин рано понял необходимость проложить себе дорогу...* [1, с. 140] и др. Перестановки слов, которые являются отступлениями от обычной последовательности членов предложения, способствуют также ритмизации тургеневской речи: *Марья Дмитриевна совсем потерялась, увидев такую красивую, прелестно одетую женщину почти у ног своих; она не знала, как ей быть: и **руку-то свою** она у ней отнять хотела, и **усадить-то её** она желала...* [1, с. 212].

Надо, однако, отметить, что изменение прямого, нейтрального порядка слов нередко встречается у Тургенева, но это явление по сравнению с явлением повтора не столь заметно и экспрессивно в его текстах. Именно повтор (повторение, реприза), будучи общим названием целого ряда стилистических приёмов, а также принципом, лежащим в основе их построения, – одно из наиболее экспрессивных явлений в художественной речи писателя: *Ему было **двадцать три** года; как страшно, как незаметно скоро пронеслись эти **двадцать три** года!..* [1, с. 161]. В данном микротексте употреблена **эпифора**, в которой одинаковые словосочетания употребляются в конце предикативных единиц БСП, указывая на их эмоциональное тождество. Кроме того, они выполняют характерологическую функцию, усиливая ощущение психологического напряжения героя. Отметим также, что экспрессивность высказывания интенсифицирована позиционно-лексическим повтором слова «как», актуализирующим эмоционально-экспрессивное значение сожаления, а также расширяющим эмоциональный фон текста риторическим восклицанием.

Если тождественные слова появляются в начале каждого из высказываний, то структурируется **анафора**. Много таких употреблений в сцене «схватки» старшего Кирсанова с Базаровым, особенно в речи Павла Петровича: – **Вот, вот** чем увлекается молодёжь, **вот** чему покоряются неопытные сердца мальчишек! **Вот**, поглядите, один из них рядом с вами сидит... [2, с. 507]; – **Вот... вот** вам нынешняя молодёжь! **Вот** они – наши наследники! [2, с. 509]; **Вспомните, милостивый государь** (при этих словах Базаров поднял глаза на Павла Петровича), **вспомните, милостивый государь**, – повторил он с ожесточением, – **английских аристократов** [2, с. 503]. Здесь в (1) и (2) повтор употреблен в усилительно-выделительной функции, а его воздействие интенсифицировано эмоциональностью, обозначенной восклицательными знаками в конце предложений; в (3) характерологическая функция анафоры конкретизируется словоформой «с ожесточением», обозначающей такое интонирование данного высказывания, которое отражает психическое состояние Павла Петровича, возмущённого поведением и взглядами нигилиста.

Позиционно-лексический повтор заключается в повторении в предложении или микротексте одной и той же языковой единицы. В таких построениях реализуются разные типизированные функции повтора: характерологическая: *Варвара Павловна взяла на себя труд заказать и закупить приданое... У ней было **много** практического смысла, **много** вкуса и очень **много** любви к комфорту, **много** уметь доставлять себе*

этот комфорт [1, с. 164]; оценочно-экспрессивная: ...жизнь подчас **тяжела** становилась у него на плечах, – **тяжела**, потому что пуста [1, с. 166]; эмоционально-экспрессивная функция с большим спектром значений, в том числе субъективно-модальных: в данном высказывании контекст позволяет увидеть здесь большее, чем просьбу – это почти мольба: *Одинцова быстро повернулась к нему. – Разве вы уезжаете? Отчего же вам теперь не остаться? **Останьтесь...** с вами говорить весело... точно по краю пропасти ходишь. Сперва робеешь, а потом откуда смелость возьмётся. **Останьтесь*** [2, с. 617] и др.

Большой силой экспрессии у Тургенева выделяется очень частый в его текстах **синтаксический параллелизм** как частный случай повтора. Этот конструктивный принцип устройства высказывания наблюдается в разных синтаксических конструкциях. Так, в простом распространённом предложении полно или частично повторяется строение словосочетаний, которые являются однородными членами того или иного ряда. Например: говоря о Кате, Тургенев сближает детали её внешности не только лексически (*молодо-зелено*), но и синтаксически: *Всё в ней было **молодо-зелено**: **и голос, и пушок на всём лице, и розовые руки с беловатыми кружками на ладонях, и чуть-чуть сжатые плечи...*** [2, с. 532]. Экспрессивность таких высказываний усиливается стилистической фигурой полисиндетона (многосоюзия) в (2) и (3), а также аккумуляцией, более характерной для (3), потому что в данном предложении перечисляются не только синтаксически однородные члены, но и содержательно неоднородные реалии: (2) *Места, по которым они проезжали, не могли назваться живописными. < ... > Попадались **и речки с обрытыми берегами, и крошечные пруды с худыми плотинами, и деревеньки с низкими избёнками под тёмными, часто до половины размётанными крышами, и покривившиеся молотильные сарайчики с плетёнными из хвороста стенами и зевающими воротницами возле опустелых гумен, и церкви, то кирпичные с отвалившеюся кое-где штукатуркой, то деревянные с наклонившимися крестами и разорёнными кладбищами*** [2, с. 472–473]; (3) *...по стенам висели **турецкие ружья, нагайки, сабля, две ландкарты, какие-то анатомические рисунки, портрет Гуфеланда, вензель из волос в черной рамке и диплом под стеклом...** на полках в беспорядке теснились **книги, коробочки, птичьи чучелы, банки, пузырьки;** в одном углу стояла **сломанная электрическая машина*** [2, с. 599].

В сложном предложении синтаксический параллелизм проявляется в тождественном построении предикативных единиц. В нашем примере он сопровождается экспрессивным бессоюзием, то есть асиндетоном как стилистической фигурой: *Сердце Аркадия понемногу сжималось. Как нарочно, **мужички встречались все обтерханные, на плохих клячонках; как нищие в лохмотьях, стояли придорожные ракиты с ободранною корой и обломанными ветвями; исхудалые, шершавые, словно обглоданные, коровы жадно щипали траву по канавам*** [2, с. 473].

Наконец, синтаксический параллелизм выступает как регулярный признак такой экспрессивной синтаксической конструкции, как период, относительно часто употребляющейся в текстах писателя: *Когда же **Базаров... вырвался наконец из удерживавших его объятий и сел в тарантас; когда лошади тронулись, и колокольчик зазвенел, и колеса завертелись,** – и вот уже глядеть вслед было незачем, и пыль улеглась, и Тимофеич, весь сгорбленный и шатаясь на ходу, поплёлся назад в свою каморку; **когда старички остались одни в своём, тоже как будто внезапно съездившемся и подряхлевшем доме, – Василий Иванович, ещё за несколько мгновений молодцевато махавший платком на крыльце, опустил на стул и уронил голову на грудь*** [2, с. 579].

Таким образом, почти все языковые единицы текстов произведений писателя в той или иной степени экспрессивны. Это свойство художественной речи великих мастеров слова, к которым, несомненно, принадлежит И. С. Тургенев.

Список использованных источников

1. Тургенев, И. С. Дворянское гнездо / И. С. Тургенев // Сочинения в 2-х т. – М.: Худож. лит., 1980. – Т.1. Повести и романы. 1856–1862. – С. 140–236.
2. Тургенев, И. С. Записки охотника. Накануне. Отцы и дети / И. С. Тургенев – М.: Худож. лит., 1971. – С. 465–636.

МГПУ им. И.П.Шамкина